

DOI: 10.24412/2470-1262-2022-3-25-37

УДК (UDC) 82-311.4

Vassili V. Bouilov,
University of Eastern Finland,
Joensuu, Finland

Буйлов В.В.,
Университет Восточной Финляндии / UEF,
Йоэнсуу, Финляндия

*For citation: Bouilov Vassili V., (2022).
The Proletkult Concept "Mass-Crowd (People)" and
Its Intertextual Transcoding by Andrei Platonov
in the Short Novel The Foundation Pit.
Cross-Cultural Studies: Education and Science,
Vol. 7, Issue 3 (2022), pp. 25-37 (in USA)*

Manuscript received 17/10/2022

Accepted for publication: 20/11/2022

The author has read and approved the final manuscript.

CC BY 4.0

**ПРОЛЕТКУЛЬТОВСКИЙ КОНЦЕПТ «МАССА-ТОЛПА (НАРОД)» И
ЕГО ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПЕРЕКОДИРОВАНИЕ АНДРЕЕМ
ПЛАТОНОВЫМ В ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН»
(Статья №2)**

**THE PROLETKULT CONCEPT OF "MASS-CROWD (PEOPLE)" AND
ITS INTERTEXTUAL TRANSCODING BY ANDREI PLATONOV IN THE
SHORT NOVEL THE FOUNDATION PIT
(Article №2)**

Abstract:

In his key ideological and philosophical work, the short novel *The Foundation Pit*, Andrei Platonov vividly, persistently and reasonably emphasizes the fact that even among the most ideologically ardent representatives of the revolutionary "avant-garde", of these "apostles of the revolution", there is a stratification. Some are trying to take advantageous places as "deputies of the proletariat," namely the new Soviet party bureaucracy. Others return to their pre-revolutionary state, become diggers and at the same time – objects of history, forced to exist according to a plan descended "from above". If we take the ordinary human "mass", then the authorities are destined for it within the rigid framework of the class hierarchy to play the role of a "normalized crowd" that has no right to think and reason. Platonov's transcoding and division of the concept "Mass-Crowd (People)" into new, separate, but interdependent concepts occurs at different levels of their ideological-symbolic, semantic and compositional implementation.

Keywords:

The *Foundation Pit* as the author's intertext and the grotesque and critical hypertext, Platonov's intertextual transcoding of the Proletkult concept "Mass-Crowd", implicativity and

qualitative increment of meanings as a result of such transcoding, the text of The Foundation Pit as a generator of meanings, the author's concepts "Deputy Proletarians" and "Normalized Mass", Andrei Platonov's Dystopia.

Аннотация:

В своём ключевом идейно-философском произведении, повести «Котлован», Андрей Платонов ярко, настойчиво и обоснованно акцентирует тот факт, что даже среди самих идеологически ярких представителей революционного «авангарда», этих «апостолов революции», происходит расслоение. Одни стараются занять выгодные места «заместителей пролетариата», а именно новой советской партийной бюрократии. Другие возвращаются в свое дореволюционное состояние, становятся землекопами и одновременно – объектами истории, вынужденными существовать по плану, спущенному «сверху». Если же взять обыкновенную человеческую «массу», то властью для нее в жестких рамках классовой иерархии уготована роль «нормализованной толпы», не имеющей права мыслить и рассуждать. Перекодирование и разделение Платоновым концепта «Масса-Толпа (Народ)» на новые, отдельные, но взаимозависимые концепты происходит на разных уровнях их идейно-символической, смысловой и композиционной имплементации.

Ключевые слова:

«Котлован» как авторский интертекст и гротескно-критический гипертекст, платоновское интертекстуальное перекодирование пролеткультовского концепта «Масса-Толпа», имплицативность и качественное приращение смыслов как результат такого перекодирования, текст «Котлована» как генератор смыслов, авторские концепты «Заместители пролетариата» и «Нормализованная масса», платоновская Антиутопия.

Введение

В процессе авторского перекодирования семиотической символики платоновской ранней поэзии, в частности, символики ранних стихов Андрея Платонова, опубликованных в 1922 году в поэтической книге «Голубая глубина» [5, с. 20; 6, с. 400-401], и интертекстуально доминирующих пре-текстов поэзии Пролеткульта, стихов поэтов пролетарской «Кузницы» [1, с. 483], в повести Платонова «Котлован» [5] происходит художественная трансформация и перекодирование ключевого пролеткультовского философского концепта МАССА-ТОЛПА, которые проведены автором исходя из задач и установок формирования идейно-символического и образно-понятийного пространства повести. Прозаический текст «Котлована» становится для писателя в ситуации такого интертекстуального пересечения ведущим **генератором смыслов**, основным **интертекстом** его творчества.

В интертекстуальном плане имеется основание рассматривать «Котлован» и как **гипертекст**, то есть как текст, гротескно или пародийно-иронически соотнесенный со своими интертекстуальными первоисточниками и художественно эксплицитно или имплицитно несущий в себе переоценку насаждаемых тоталитарным обществом ценностей и критику навязываемых этим обществом стереотипов массового мышления. Приобретенная в процессе интертекстуально-концептуального анализа информация может способствовать прояснению и связанному с этим качественному приращению смыслов, представляющему особую художественную, философскую и идейно-символическую ценность.

Рассуждения

Перекодирование концепта Масса-Толпа

Подобное **перекодирование** выражается, например, в разделении отраженного в ранних стихах Платонова образа-концепта МАССА-ТОЛПА [5, с. 20; 6, с. 400-401] на концепты «ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРОЛЕТАРИАТА» (пышущее сарказмом собственное выражение

Платонова из повести «Котлован») и «НОРМАЛИЗОВАННАЯ МАССА» – на управляющих и управляемых. Как мы уже упоминали выше в предыдущей статье, авторский окказиональный термин «нормализованный» писатель впервые употребил уже задолго до написания «Котлована» в своей ранней публицистике 20-х годов [2]. Перекодирование концепта МАССА-ТОЛПА представлено нами в виде следующей иерархическо-организационной диаграммы:

Таблица 1. Интертекстуальное перекодирование Андреем Платоновым концепта МАССА-ТОЛПА.

Перекодирование и трансформация в «Котловане» первоначального концепта МАССА-ТОЛПА в обыденной жизни той эпохи имела свое реальное прототипное обоснование, представляя собою лишь художественно прозорливое отражение Платоновым текущих и грядущих процессов классового переустройства общества. Традиционная структура существовавшего до этого многоукладного общества подвергалась радикальной революционной ломке.

Лексически подобная трансформация была закреплена в языке той эпохи такими классово окрашенными словосочетаниями и словарными новообразованиями, как «революционная масса», «пролетарская масса», «рабочая масса», «крестьянская масса», «бедняцкая масса», «кулацкая масса», «средняцкая масса» и т.д. Народ как социологическая категория, представленная различными общественными элементами во всех их социальных-классовых ипостасях, пытался выживать в непрерывном стихийно-кровавом круговороте революции, гражданской войны, голода и террора, военного коммунизма и коллективизации. Народ, МАССА-ТОЛПА, являясь не только символически, номинально, но и фактически главной действующей силой этого революционного переустройства общества и, на практике, оставаясь одновременно основной производственной силой и «пушечным мясом» революции, при этом безжалостно погружался новой властью в кипящий котел насильственного классового «нормализования».

«Заместители пролетариата»

Функции жесткого идеологического координирования и силового административного управления всего этого остродраматического и эпохального в своей трагичности исторического процесса бескомпромиссно узурпированы новой властью партийцев и функ-

ционеров, гротескно называемых Платоновым в «Котловане» «ЗАМЕСТИТЕЛЯМИ ПРОЛЕТАРИАТА». Эта остроироническое до сарказма авторское образно-художественное определение является одновременно и номинацией для социально-классовой категории, выведенной в результате смысловой деформации, творческой трансформации и интертекстуального перекодирования Платоновым концепта МАССА-ТОЛПА, и выделяемой нами в отдельный платоновский концепт «ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРОЛЕТАРИАТА».

Платонов метко и язвительно подмечает в «Котловане» такой прочно утвердившийся порядок вещей, при котором даже уже в ранние постреволюционные годы пребывание в партии считалось привилегией. В «Котловане» участие в партийной жизни и в администрировании любого уровня является гарантом и эквивалентом счастливой и стабильной зажиточной жизни:

Дополнительно к пенсии по первой категории он обеспечил себе и натурное продовольствие. [5, с. 55]

Когда его жена тяжелела, то мельник своими руками совершал ей выкидыши, любя лишь одного большого сына, которого он давно определил в городские коммунисты. [5, с. 79]

Партия в «Котловане», как, впрочем, и в жизни, выступает как безличная и чуждая для простых людей, наделенная неограниченными правами и полномочиями слепая, всеподавляющая квинтэссенция власти. Рядовые советские персонажи Платонова в целом воспринимают партию как нечто сродни всеподавляющему языческому истукану, который лишен внешних очертаний, который труднодоступен и труднопонимаем для народного сознания и властно громоздится где-то неизмеримо высоко над ними:

– А ты покажь мне бумажку, что ты действительное лицо!

– Какое я тебе лицо? – сказал Чиклин. – я никто; у нас партия – вот лицо!

– Покажи тогда хоть партию, хочу рассмотреть.

Чиклин скудно улыбнулся.

– В лицо ты ее не узнаешь, я сам ее еле чувствую. [5, с. 80]

Несомый партией мифологизированный коллективистский языческий миропорядок имеет свои символы и ритуалы, он зиждется на слепом повиновении и стихийном поклонении и постоянно требует новых жертв. Эта система строится на терроре, на подавлении всякого инакомыслия, и держит всю страну в напряжении, распинает «стреноженный» народ различными установками, директивами и репрессиями. Власть, сконцентрированная в руках партии, отождествляется с резолюциями, постановлениями, указами, яростно и громко кричащими лозунгами. Она не признает никакой полемики:

<...> Сафронов боялся забыть про обязанность радости <...> [5, с. 47]

– А что там сообщено? – спросил Чиклин.

– Пишут то, что с ними нельзя не согласиться! – А ты попробуй не согласишься! – В слезах произнес активный человек. [5, с. 91]

Партия жестоко расправляется не только с любым проявлением альтернативного мышления в массах, но также периодически прочищает и собственные «низовые» ряды. При этом жизнь «вышестоящих» вождей, вкушающих плоды уже наступившего для них коммунизма, «не многим слаще». Многие из них, живя в полном моральном разложении, откупаясь в стремлении к карьере собственными женами или легко мирясь с их арестами, устраивая покушения друг на друга в борьбе за власть, пожирают друг друга, как пауки в банке, живут в подозрительности и страхе:

Нельзя не согласиться, что такой товарищ есть вредитель партии, объективный враг пролетариата и должен быть немедленно изъят из руководства «навсегда». [5, с. 90]

Власть, сконцентрированная в руках партии и внешне отличающаяся крайней обезличенностью, на практике снизу доверху, на всех своих бесчисленных и престижных иерархических ступенях осуществляется конкретными и кровно заинтересованными в этой власти людьми и отдана на откуп их авторитарному единоличному управлению. Так, в этом номенклатурном смысле «сам товарищ Пашкин», образно значимая фигура в повествовании «Котлована», выступает здесь как символ реальной и безликой репрессивной угрозы, которую представляет для бессловесной «организованной массы» партийно-бюрократическая власть:

– Это ничего. Вот если кадр, скажут, тогда нам за него плохо будет.

– Кадр – пустяк. Вот если инструктор придет либо сам товарищ Пашкин, тогда нам будет жара! [5, с. 87]

Убогая до смешного, ничтожная личность товарища Пашкина, каким показывает его Платонов, являет собой комическое несоответствие своей идеологической функции – быть функционером этой системы с правом решающего голоса, с «правом казнить и миловать». Тоталитаризм начинается с фарса, а заканчивается сталинскими и гитлеровскими концлагерями. Здесь ясно читается мысль Платонова, что все крупные тираны – очень часто фигляры, клоуны. В платоновском описании степени властолюбия «ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРОЛЕТАРИАТА» проступает острый платоновский сарказм:

<...> он с жадностью собственности, без памяти о домашнем счастье строил необходимое будущее, готовя для себя в нем вечность <...> [5, с. 58]

<...> активист <...> не хотел быть членом общего сиротства и боялся долгого томления по социализму, пока не очутится среди радости, ибо уже сейчас можно <...> иметь всю пользу будущего времени. [5, с. 58]

Писатель психологически точно раскрывает мотивы их «активности», их карьеристскую «идеологию». Они не связывают себя никакими особыми моральными ограничениями. Для них все средства хороши для достижения своих даже самых мелкокарьерных целей. Каждый из этих «винтиков» непомерно разросшейся иерархической системы мечтает подняться как можно выше по прозрачной лестнице власти:

<...> он лишь снаружи от себя старался организовать счастье и хотя бы в перспективе заслужить районный пост. [5, с. 90]

Козлов <...> считал свои революционные заслуги недостаточными, а ежедневно приносимую пользу – малой. <...> главное организационное строительство идет помимо его участия, а он действует лишь в овраге, но не в гигантском руководящем масштабе. К утру Козлов постановил для себя перейти на инвалидную пенсию, чтобы целиком отдаться наибольшей общественной пользе – так в нем с мученьем высказывалась пролетарская совесть. [5, с. 41]

Для того периода уже запущенного кровавого маховика репрессий Платонов поразительно бесстрашно иронизирует по поводу демонстративного бескорыстия активистов и партийных чиновников. «Активисты» уже расставили в этой жизни все на свои места. Все их «революционное горение» сводится лишь к одному принципу – к желанию любым образом господствовать над другими:

– Ты бы организовал как-нибудь этого Жачева, а потом взял и продвинул его на должность – пусть бы хоть увечными руководил! Ведь каждому человеку нужно иметь хоть маленькое господствующее положение, тогда он спокоен и приличен <...> [5, с. 34]

– Мы уже не чувствуем жара от костра классовой борьбы, а огонь должен быть: где же тогда греться активному персоналу! [5, с. 56]

– отделаемся, тогда назначим жизнь и отдохнем. [5, с. 26]

Их рабочая этика и административно-показная старательность на местах сводятся к созданию видимости деятельности, к ее имитации. Иронически обыгрывая их человеческую никчемность и профессиональную несостоятельность, Платонов отмечает казенно-бюрократическую природу их пустого карьеристского рвения:

<...> активист же и в темноте писал без ошибки <...> [5, с. 84]

<...> организатор местного коллектива <...> просит ему прислать примерный устав такой организации, а заодно бланки, ручку с пером и два литра чернил. [5, с. 90]

<...> он чувствовал воспоминание, что он – головотяп и упуценец, – так его называли иногда в бумагах из района. [5, с. 58]

Маска «социальной справедливости» быстро с них спадает, как только они перестают видеть личную выгоду в изображаемой ими «общественно полезной активности» и показной партийной чуткости, близости к нуждам народа. Обнаруживается гнилая изнанка этих «слуг народа», уже не прикрытая громогласными идеологическими лозунгами и декларациями:

Почувствовав мысль и одиночество, не желая безответно тратить средства на государство и будущее поколение, активист снял с Насти свой пиджак, раз его устроят, пусть массы сами греются. И с пиджаком в руке он стал посреди Оргдома – без дальнейшего стремления к жизни, весь в крупных слезах и в том сомнении души, что капитализм, пожалуй, может еще явиться. [5, с. 91]

Такая деталь, как отсутствие в тексте «Котлована» имени у «активиста», назойливо вездесущего безымянного персонажа, свидетельствует о функциональной и человеческой обезличенности «ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРОЛЕТАРИАТА». Имя активиста не играет никакой роли – он лишь «винтик» в иерархической системе власти, где тоже есть свои лидеры и рядовые члены. Интересно отметить, что подобная обезличенность проходит через своеобразное «двойное усиление» – обезличенность актива, управленцев усиливается снизу обезличенностью народной массы, целенаправленно и настойчиво вырабатываемой властью, «помножается» на нее. Такое обезличенное социально-классовое устройство лежит в основе пирамиды централизованного управления страной единоличным «лидером авангарда», «сильной личностью сверху»:

Активист вышел на крыльцо со своими сподручными <...> [5, с. 75]

«Не пойти ли мне в массу, не забыться ли в общей, руководимой жизни?» – решил активист про себя в те минуты, но быстро опомнился, потому что не хотел быть членом общего сиротства <...> ибо уже сейчас можно быть подручным авангарда <...> [5, с. 58]

Каждую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей <...> [5, с. 58]

Собственная обезличенность и ничтожность не мешает **«ЗАМЕСТИТЕЛЯМ ПРОЛЕТАРИАТА»** во всех ситуациях чувствовать и оценивать себя выше народной **МАССЫ**. Их вполне устраивает любая возможность своего доступа к власти, которая сразу ставит их над «массами», придает их действиям и решениям «статус необсуждаемых снизу»:

– Ну что же! – терпеливо сказал активист сверху. [5, с. 70]

<...> люди стали без слова всей середняцкой гуцей и загляделись на крыльцо, на котором находился активист с фонарем в руке, – от этого собственного света он не видел разной мелочи на лицах людей, но зато его самого наблюдали все с ясностью. [5, с. 73]

С помощью иронии и специальных лексических средств, имеющих преувеличенно возвышенную стилистическую окраску, Платонов вскрывает природу их нарочито громогласной риторики, за которой, по существу, стоит фальшиво-казенное, безразлично-отстраненное отношение к народу:

И жалко стало Пашкину все свои профсоюзы, и он познал в себе доброту к трудящимся. [5, с. 30]

Козлов был одет в светло-серую тройку, имел пополневшее от какой-то постоянной радости лицо и стал сильно любить пролетарскую массу. [5, с. 55]

Пашкин вынул записную книжку и поставил в ней точку, уже много точек было изображено в книжке Пашкина, и каждая точка знаменовала какое-либо внимание к массам. [5, с. 56]

Прекрасно понимая и осознавая особую природную мудрость и терпеливость людей труда, Платонов показывает внешне смиренное, но при этом недвусмысленно прорывающееся через маску покорности презрительно-отрицательное отношение народа к опостылевшей им власти. Они пока лишь терпят такое высокомерное к себе отношение, вынуждены его терпеть:

– Отвернись и ты от нас на краткое время, – попросили активиста два середняка. – Дай нам тебя не видеть. [5, с. 71]

Основную причину потери смысла существования для народных масс Платонов видит в антинародной деятельности людей, называющих себя **«ЗАМЕСТИТЕЛЯМИ ПРОЛЕТАРИАТА»**, которые присвоили себе право говорить и действовать от имени народа. Теперь они настолько же далеки от народа, насколько народ далек от них:

– Ах ты гад! – прошептал Воцев над этим безмолвным туловищем. – Так вот отчего я смысла не знал! Ты, должно быть, не меня, а весь класс испил, сухая душа, а мы бродим, как тихая гуца, и не знаем ничего! [5, с. 93]

Произошла подмена декларируемых ценностей, связанных с радикальным революционным развитием политических и социальных процессов в стране, к которым еще совсем недавно был привлечен народ. Платонов через мысли и действия героев «Котлована» недвусмысленно дает понять, что расплата рано или поздно должна наступить. Писатель конкретизирует в повести это положение, позволяя своим героям, людям реального труда, самим осуществить «социальную справедливость»:

<...> Чиклин покойно дал активисту ручной удар в грудь, чтоб дети могли еще уювать, а не зябнуть. Внутри активиста раздался слабый треск костей, и весь

человек свалился на пол; Чиклин же с удовлетворением посмотрел на него, будто только что принес необходимую пользу. [5, с. 91]

Народ знает истинную цену «ЗАМЕСТИТЕЛЯМ ПРОЛЕТАРИАТА» и естественно связывает все горести своей жизни именно с их активностью. Крах активиста ни у кого не вызывает сожаления. Они выносят ему свой собственный приговор. Брезгливое любопытство и презрение к человеческой ущербности – единственное чувство, которое вызывает у окружающих физически поверженный активист:

Колхоз спокойно пригляделся к опрокинутому активисту, не имея к нему жалости, но и не жалуясь, потому что говорил активист всегда точно и правильно, вполне по завету, только сам был до того поганый, что когда общество задумало его однажды женить, дабы убавить его деятельность, то даже самые незначительные на лицо бабы и девки заплакали от печали. [5, с. 93]

Активист по-прежнему неподвижно молчал на полу, пока задумавшийся Воцев не согнулся над ним и не пошевелил его из чувства любопытства перед всяким ущербом жизни. [5, с. 93]

Хочется отметить высокую степень осознания Платоновым ложности, проводимой политики, ясно угадываемую в тексте «Котлована». В такой его не только потребности, но и писательской готовности говорить об этом заключается его гражданское мужество и даже бесстрашие. Герои Платонова, еще совсем недавно активного участника построения данной системы, выносят ей свой приговор. В их словах звучит уверенность, что власть «ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРОЛЕТАРИАТА» не навсегда:

– Но скоро мы всех разактивим: дай только массам измучиться, дай детям подрасти! [5, с. 85]

В художественном поле «Котлована» у Андрея Платонова происходит повсеместное развенчание образа, выражаемого концептом «ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРОЛЕТАРИАТА». Образа официально назначенных «героев», функционеров и идейных «крестonosцев» классовой борьбы, как успешных, преуспевающих, так и не сумевших попасть в струю основной директивы. Представители Партии, этого «авангарда трудящихся», тоже должны быть «нормализованы». Они ни на минуту не могут быть уверенными в себе и в собственных силах, не могут самостоятельно действовать, проявлять сознательную инициативу, выходящую за рамки «нормализованного» партийного функционирования. В этом сила Партии – держаться на страхе, терроре, беспрекословном подчинении, манипулировании кадровыми «винтиками». В реальной жизни Революция начинает «пожирать своих сынов», самых верных и преданных партийных бонз, через спускаемую сверху разрядку на востребованный нуждами идеологической бдительности «классовый отстрел». Партия, как идеологически беспрекословно декларируемый авангард широких народных масс, становится заложником ею же самой установленной системы слепого тоталитарного подчинения воле персонифицированного Центра.

«Нормализованная масса»

Звучащие в «Котловане» симпатия и сочувствие Андрея Платонова к крестьянам и пролетариям распространяется на весь простой народ. Писатель видит причину всех их бед и горестей не в них самих, а во внешних политических и социальных-классовых условиях, ставящих народ в такое унижительное и зависимое положение. Его симпатия к народу проявляется повсеместно не только в его прозе, и но и в его публицистике. Так, в статье «Пушкин – наш товарищ» [3; 4], опубликованной к 100-летию со дня смерти поэта,

Платонов выражает свое категорическое несогласие с тем, каким образом простой народ изображается в некоторых произведениях Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Писатель высказывает свое непонимание того, почему в работах этих классиков принципы изображения народа мало отличаются от принципов изображения господ – помещиков, коррумпированных чиновников, представителей высших классов:

«Не в том дело, что губернаторы, помещики, купцы, генералы и чиновники – одичалые, фантастические дураки или прохвосты. Мы не о том жалеем. А в том беда, что и простой, «убитый горем» народ, состоящий при этих господах, почти не лучше. Во всяком случае, образ «простолюдина» и «господина» построен по одному и тому же принципу.» (Платонов 1970: 34.)

Выстраивая в «Котловане» народные образы с откровенной авторской наблюдательностью и во всей неприглядности их унижительного существования, Платонов не перестает удивляться силе их духа и долготерпения, с которыми они переносят все выпадающие на их долю страдания. Он не скрывает своей писательской любви к этим униженным, но духовно чистым людям. При этом Платонов эксплицитно и имплицитно выражает свое категорическое непонимание и неприятие тех пределов, до которых может простираться такое народное долготерпение.

Все эти подавляемые властью и подчиненные ей социально-классовые общественные силы, представляющие народные массы, и авторские концепты, их символизирующие, вступают в семиотическое интертекстуальное взаимодействие и объединяются Платоновым в ключевом концепте «НОРМАЛИЗОВАННАЯ МАССА», формируя его суммарно и выражая его образно. Жестокая политическая диктатура, голод и каторжная работа – вот те субъективные исторические условия, в которых приходится выживать доведенным до крайности простым рабочим людям, персонажам «Котлована»:

Народ же остановиться не мог, пока активист не сказал: – Стой до очередного звука! [5, с. 82]

– Товарищи! – начал определять Сафронов всеобщее чувство. [5, с. 51]

– <...> ничто не нарушало обобществленного имущества и тишины коллективного сознания. [5, с. 59]

– <...> какие-то далекие массы двигались по горизонту на неизвестное межселенное собрание – ничто не могло шуметь. [5, с. 92]

Через такое силовое принуждение «НОРМАЛИЗОВАННАЯ МАССА» постепенно приучается властью к полному и безоговорочному единомыслию. Поощряется и допускается проявление только их коллективного сознания. Показателем уровня самосознания этих бесправных трудовых людей в «Котловане» могут служить слова:

– Я этого, маленькая, не знаю: я же – ничто! – сказал Чиклин. [5, с. 48]

– Вы стали теперь, как я, я тоже ничто. [5, с. 74]

<...> видишь, нам все теперь стало ничто <...> [5, с. 63]

Любые естественные человеческие чувства и проявления духовной и физической активности строго регламентированы властью. Люди не имеют права и боятся самостоятельно действовать. Для многих жизнь в условиях страха, нужды и бесправия оборачивается полной потерей чувства собственного достоинства. Униженность, забитость – обычное состояние растерзанного народа:

Стоявшие люди ни на мгновение не опускали из вида активиста, ближние же ко крыльцу глядели на руководящего человека со всем желаньем в неморгающих глазах, чтобы он видел их готовое настроение. [5, с. 70]

– Разве же можно молча лежать – власть будет пугаться. [5, с. 66]

<...> скорбь у нас должна быть аннулирована! [5, с. 50]

Изображение внешности и поведения представителей «НОРМАЛИЗОВАННОЙ МАССЫ» сведено в «Котловане» к поражающему воображение общему знаменателю, определяемому критическим физическим и психологическим состоянием этих несчастных людей. У землекопов и колхозников в «Котловане» их изнуренный внешний вид, затрудненная физическая реакция, перманентная психическая заторможенность и онемение вызваны крайней степенью истощенности:

– Ты думаешь, это люди существуют? Ого! Это одна наружная кожа, до людей нам далеко идти, вот чего мне жалко! [5, с. 81]

<...> Хотя они и владели смыслом жизни, что равносильно вечному счастью, однако их лица были угрюмы и худы, а вместо покоя жизни они имели измождение. [5, с. 22]

Лица этих людей, помимо их крайней изможденности, говорят о неосознанной физической и психической деформации личности их обладателей. Такая прогрессирующая личностная деформация, часто сопровождаемая мыслительной афазией, вызвана выпадающими на их долю постоянными страданиями и унижениями, которые входят в ряд обязательных мер по их «классовому перевоспитанию» властью:

<...> их лица были равнодушны и скучны, редкая, заранее утомленная мысль освещала их терпеливые глаза. [5, с. 20]

<...> припотушенная лампа освещала бессознательные человеческие лица. [5, с. 20]

Колхозные мужики были светлы лицом, как вымытые, им стало теперь ничего не жалко, безвестно и прохладно в душевной пустоте. [5, с. 81]

«ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРОЛЕТАРИАТА» пользуются своей властью над людьми. Они распоряжаются их душой и телом и обращаются с ними как воинствующие колонизаторы с беззащитными и наивными туземцами на их обобществленной земле, используя рабский труд этих подчиненных им тружеников:

Активист <...> с молчаливой грустью наблюдал движение жизненной массы на сырой, вечерней земле; он безмолвно любил бедноту, которая, поев простого хлеба, желательно рвалась вперед в недвижимое будущее, ибо все равно земля для них была пуста и тревожна <...> [5, с. 69]

<...> и образовать из них постоянных тружеников <...> [5, с. 21]

Платонов выражает свое отношение к абсолютной подконтрольности масс, используя форму гротеска. Так, колхозный «актив» вводит на селе свой новый регламентированный порядок. Издевательское содержание утверждаемых ими директив и указов часто граничит с безумством:

Активист еще давно пустил устную директиву о соблюдении санитарности в народной жизни, для чего люди должны все время находиться на улице, а не задышаться в семейных избах. От этого заседавшему активу было легче наблюдать массы из окна и вести их все время дальше. [5, с. 62]

Люди беззащитны перед властью и перед подобными ее коллективистскими установками. Повсюду торжествуют иезуитские законы «революционного правосудия», страх, уравниловка, право грубой силы и террор:

<...> – Я вот чего боюсь: ага, скажут, ты в лаптях идешь, значит – бедняк! А ежели бедняк, то почему один живешь и с другими бедными не скопляешься! Я вот чего боюсь!.. [5, с. 48]

Он жил и глядел глазами лишь оттого, что имел документы середняка, и его сердце билось по закону. [5, с. 59]

Но активист еще прежде обозначил всех жителей – кого в колхоз, а кого на плот. [5, с. 74]

Плот здесь в «Котловане» у Платонова – метафоризированный символ массово организуемой экзекуции и практикуемых во времена коллективизации показательных классовых зачисток и расправ без суда и следствия. Платонов со такой скорбью и высоким психологическим надрывом повествует о разворачивающейся на наших глазах трагедии, что, кажется, никого это страшное описание не может оставить равнодушным. Взволнованный и гордо-рассудительный тон обреченных на ужасную смерть крестьян, с достоинством готовящихся к собственной казни, только усиливает всю безысходную трагичность и античеловечность происходящего:

– Дозволь нам горе горевать и остатную ночь, а уж тогда мы век с тобой будем радоваться!

– Ночь – это долго. Кругом нас темпы по округу идут, горюйте, пока плот не готов.

– Ну хоть до плота, и то радость, – сказал средний мужик и заплакал, не теряя времени последнего горя. [5, с. 71]

Платонов пропускает через собственное сердце написанное и, вероятно, когда-то пережитое и прочувствованное им. Он негодует и скорбит, не скрывая своего отношения к такому униженному «нормализованному» состоянию народа и откровенно называя его мучением:

Настя, глядя на почерневшего, обгорелого медведя, радовалась, что он за нас, а не за буржуев.

– Он ведь тоже мучается, он, значит, наш, правда ведь? – говорила Настя.

[5, с. 76]

Как приговор слепой и бессмысленной природе коллективизации и казенщине авторитарной власти звучит даже, казалось бы, простая платоновская фраза о ставшем бесхозным имуществе: *<...> теперь имущество что сирота, пожалеть некому <...>* [5, с. 86]. Не только обобществленное имущество, но и подвергаемые насильственной коллективизации и истязаемые репрессиями и подневольной работой крестьяне напоминают Платонову **сирот** в этой декларируемой и организованной для них «счастливой жизни»:

Быть может, там была тишина дворовых теплых мест или стояло на ветру дорог бедняцкое колхозное сиротство с кучей мертвого инвентаря посреди.

[5, с. 54]

Мертвый инвентарь в контексте «Котлована» – гробы. Для проходящего через надругательство над собой народа единственной «радостью» жизни становится возможность заготовления гробов перед лицом перспективы прихода собственной смерти, заранее непредсказуемой и от них самих никак не зависящей, но для них желанной и даже радостной в ситуации такой беспросветной жизни. Виталий Шенталинский, исследователь прежде

закрытых секретных архивов по «делу писателя Платонова», говорит в своем радиоинтервью о Платонове:

«По моему мнению, его главное литературное открытие – это герой, новый герой – народ-сирота. Герой, которого раньше не было в литературе. Сирота, лишенный Земли-матери, отторгнутой революцией от человека, революцией-мачехой взамен матери, и лишенный отца-Бога, который тоже был подменен Отцом всех времен и народов, идолом-вождем, сначала это был Ленин, потом Сталин. И так образовался этот народ-сирота, круглый сирота». [5, с. 3]

Заключение

Рассматриваемые нами авторские концепты Платонова, находящие свое отражение в языке и в семиотике повести «Котлован», системно и наглядно представляют платоновское художественное видение социальной и классовой расстановки сил в советском моносистемном, одноукладном планово-социалистическом обществе.

Народ-сирота – точный эпитет для образа и концепта «**НОРМАЛИЗОВАННОЙ МАССЫ**». Он также является точной характеристикой сути проводимых в эпоху социализма политических проектов и преобразований по «нормализованию» народа, процесс которого остро критически отражен Платоновым в «Котловане». Публичное и тайное проявление любого инакомыслия и свободомыслия запрещено, но этого практически уже и не происходит. Люди успели разучиться мыслить самостоятельно. Для каждой жизненной ситуации идеологами предусмотрен набор стереотипных поведенческих, коммуникативных и речевых клише. Политически регулируемая деформация личности людей, достижение идеологической зазомбированности и зашоренности миллионов винтиков идеологического фронта и малооплачиваемых, бесправных и безропотных работников фронта социалистического строительства являются целью классово ориентированных и программируемых «сверху» преобразований в стране. Все это отвечает политической установке на целенаправленное «нормализование» широких народных масс, которое с упорством параноика проводит номенклатурная партия власти «*заместителей пролетариата*» на просторах первой страны воинствующего утопического социализма.

References:

1. Ezhov I.S., Shamurin E.I. (1991). I.G. Filipchenko «Massy», 1918, iz sbornika «Jera slavy». Russkaja poezija XX veka. Antologija ruskoj liriki pervoj chetverti XX veka, 483.
2. Platonov A.P. (1920). Normalizovannyj rabotnik. Voronezh: «Voronezhskaja kommuna», 29 dekabrja.
3. Platonov A.P. (1937). Pushkin – nash tovarishh. Zhurnal «Literaturnyj kritik», #1.
4. Platonov A.P. (1970). A. Platonov. Stat'i: «Pushkin – nash tovarishh», «Rasskazy A. Grina», «Obshhie razmyshlenija o satire – po povodu odnogo chastnogo sluchaja». V knige «Razmyshlenija chitatelja. Stat'i». Moskva: Sovetskij pisatel'.
5. Platonov A.P. (2002). Stihotvorenje «Topot», 1920-1921. «Golubaja glubina». Kniga stihov. Moskva-Augsburg: im Werden Verlag, 20.
6. Platonov A.P. (2004). Kniga stihov «Golubaja glubina» Sochinenija. Nauchnoe izdanie. Tom I, Kniga 1, pod red. N.V. Kornienko. Moskva: IMLI RAN, 287-424.
7. Shentalinskij V., Tol'c V. (2012). Opublikovannyj v Internete pis'mennyj tekst radiointerv'ju Vitalija Shentalinskogo, avtora trilogii «Raby svobody», «Donos na Sokrata» i «Prestuplenie bez nakazanija», zapisannogo na Radio Svoboda, v hode programmy Vladimira Tol'ca cikla «Repressirovannaja literatura v arhivah palachej» – Andrej Platonov». Internet-resurs, opublikovano 11.02.2012: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24480506.html>.

Information about the Author:

Vassili Bouilov (Helsinki, Finland) – Doctor of Philosophy (FT/PhD) Senior lecturer of Russian Language and Translation, University of Eastern Finland (UEF), Faculty of Philosophy, School of Humanities, Foreign Languages and Translation Studies,

Василий В. Буйлов, Университет Восточной Финляндии, Йюэнсуу, Финляндия.

E-mail: vassili.bouilov@uef.fi, Mob. +358414539704

Постоянно проживает в Хельсинки.

Vassili Bouilov's 16-digit ORCID identifier: 0000-0003-2326-1513

ORCID iD and the link to public record: <https://orcid.org/0000-0003-2326-1513>

Published scientific works – about 100 items (lingua-Stylistic, Lingua-Cultural, Literary, Semiotic and Translation Studies, Cross-Cultural Communication, Specialization in research of Andrei Platonov's Idiostyle (Platonovovedenie), i.e. Lingua-Stylistic and Translatological Research of his Language, Ontology, Semiotics, Conceptology, etc.

Acknowledgments: The author would like to sincerely thank reviewer for her feedback and assistance on this paper.

Author's contribution: The work is solely that of the author.